

© 2006 г.

О.А. КАРМАДОНОВ

ОТКРОВЕНИЯ И ПАРАДОКСЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

КАРМАДОНОВ Олег Анатольевич - доктор философских наук, заведующий кафедрой Иркутского государственного университета.

Словосочетание, обозначающее рассматриваемое в статье направление в социологии и социальной психологии, ввел Герберт Джордж Блумер (1900-1987) в 1937 г. [1]. Много позже он отметил, что термин "символический интеракционизм" явился "варварским неологизмом; ...тем не менее, каким-то образом прижился и сейчас широко используется" [2, р. 1]. Элементы этого подхода можно проследить у Р. Парка, У. Томаса и Ф. Знанецкого; его прагматическая компонента связана с влиянием У. Джеймса и Д. Дьюи. Однако "основу" интеракционистской традиции заложили идеи Чарльза Хортон Кули (1864-1929) и Джорджа Герберта Мида (1863-1931). К заслугам Кули относится вклад в развитие одного из ключевых концептов интеракционизма - "самости". Задачей социологии Кули считал изучение взаимодействия индивида и общества. В работе "*Человеческая природа и социальный порядок*" (1902) им введено понятие "зеркального Я" (the looking glass self), под которым понималось отражение нашей самости, каковое мы наблюдаем в действиях других людей по отношению к нам [3]. Мы чувствительны, доказывал Кули, к тем знакам со стороны других, на основании которых можем судить о том, считают ли нас другие люди хорошо выглядящими, достойно себя ведущими, работоспособными, и т.д. По мере нашего взросления общий паттерн этих отражений чужих мнений становится доминирующим аспектом нашей идентичности. Другой вклад Кули - деление социальных групп на *первичные* и *вторичные*. Оно сопоставимо с разделением Ф. Теннисом социальных взаимосвязей на *Gemeinschaft* (органические, доверительные отношения в семьях, внутри малых групп и локальных сообществ) и *Gesellschaft* (механическое сосуществование, имперсональные отношения в большом обществе). К *первичным* Кули относит те "группы, для которых характерны тесные личные связи и сотрудничество, и которые определяют самым фундаментальным образом социальную природу и идеалы индивида... Идентификационное понятие *мы* является для такой группы естественным выражением ее сущности" [4, р. 23]. *Вторичными* являются группы, в которых мы участвуем на инструментальных основаниях, для выполнения задач, не предполагающих близкие межличностные связи и высокую эмоциональность отношений. Мид развил введенное Кули понятие самости и отметил его эвристическое значение для социального анализа, однако, как мы покажем, данный концепт получил в работах его последователей неоднозначное воплощение. Теоретическая концепция Мида передана в книгах "*Сознание, самость и общество*" (1934) и "*Философия действия*" (1938), являвшихся первоначально его лекциями в Чикагском университете. Таким образом вклад Кули и Мида в

становление символического интеракционизма очевиден, однако честь его концептуализации принадлежит Г. Блумеру, социологу Чикагской школы.

Теоретико-методологические послылки

Блумер сформулировал три *постулата* данного направления [2, р. 2]. *Первый* заключается в признании того, что человек действует по отношению к предметам на основании придаваемых им значений. В круг этих предметов включается все, что окружает человека: физические объекты, другие люди, которых действующий индивид делит на различные категории (друзья, враги и т.д.), действия других людей, социальные институты, идеи и т.д. Согласно *второму* постулату значение этих предметов проявляется не иначе, как в ходе взаимодействия между людьми. Смысл *третьего* постулата: значения регулируются и модифицируются в процессе интерпретации, осуществляемой личностью при таком взаимодействии.

В решении проблемы происхождения значений Блумер исходит из того, что символический интеракционизм не признает тот взгляд на природу смысла, согласно которому таковой имеет источником внутренние характеристики предмета; одновременно он отрицает обусловленность смысла комплексом личностных психологических элементов. В противоположность подобным подходам он рассматривает значение как возникающее во взаимодействии между людьми. "Смысл предмета для личности обусловлен тем, как другие люди действуют в отношении этой личности, имея в виду данный предмет. Тем самым, значения есть социальные продукты, создаваемые через смыслообразующую деятельность взаимодействующих людей" [2, р. 4-5]. Использование значений осуществляется через процесс интерпретации, в котором Блумер выделяет две стадии. Сначала актор и субъект познания отмечает для себя вещи, в отношении которых он действует. При этом указании (*indication*) актор не выходит за пределы самого себя. На второй стадии интерпретация становится условием формирования значений. Актор отбирает, проверяет, удаляет, перегруппировывает и трансформирует значения, корректирует свои действия с учетом ситуации, в которой он находится. Блумер настаивает на том, что интерпретацию следует понимать не как простое приложение установленных значений, но как процесс, в котором они используются и пересматриваются как "инструменты" для направления и формирования действий. Значения играют свою роль в действии именно благодаря их осознанию актором. Хотя они формируются в ходе социального взаимодействия, для их окончательного установления необходимо обращение познающего субъекта к самому себе. Эта точка зрения близка к логике Шютца, который, обосновывая "интерсубъективность" познания, все же оставляет место индивидуальному дискурсу, и контрастирует с подходом Элиаса, у которого "социальность" происхождения смыслов является исчерпывающей и абсолютной [9], [101]. Однако теоретики интеракционизма редко выявляли двойственность происхождения значений. Полемизируя с макросоциологическим видением, Блумер утверждает, что "жизнь любого человеческого общества состоит из постоянного процесса подстраивания (*fining*) друг к другу действий его членов. Именно этот комплекс текущей активности создает структуры или организации и определяет их черты. Позиция символического интеракционизма такова, что всякая эмпирически ориентированная схема человеческого общества, какое бы происхождение она ни имела, должна учитывать тот факт, что и в первом, и в последнем случае человеческое общество состоит из людей, вовлеченных в действие. Только такая схема может быть эмпирически достоверной" [2, р. 7]. Отметим, что рассмотрение Блумером социального взаимодействия отличается определенной парадоксальностью в плане понимания его символического содержания. Согласно его позиции, социальное взаимодействие надо рассматривать как тот процесс, который *формирует* человеческое поведение, а не просто как средство выражения поведения. То есть, социальная реальность есть продукт человеческого взаимодействия и его осознания действующими субъекта-

ми. Люди не повинуются слепо социальным и психологическим силам. Они - активные творцы мира, на воздействия которого реагируют. При взаимодействии они должны учитывать, *что* каждый из них делает или собирается сделать, чтобы контролировать свое поведение и управлять ситуацией. Блумер различает два вида социального взаимодействия - "*несимволическое*" и "*символическое*", которые считает развитием таких понятий Мида, как "обмен жестами" и "использование значимых символов". "Несимволическое" взаимодействие имеет место, согласно Блумеру, тогда, когда некто отвечает на действия другого непосредственно, или напрямую, без интерпретации этого действия. Такое взаимодействие обнаруживает себя в рефлексивных реакциях – например, боксера на ринге. Люди участвуют в "несимволических" взаимодействиях также и тогда, когда реагируют немедленно и не рефлексивно на телесные движения других, их выражения лиц, тональность их голоса [2, р. 9]. "Символическое" взаимодействие предполагает интерпретацию, установление значения действий другого, определение или указание другому, как ему действовать.

Представляется, что здесь Блумер достаточно вольно интерпретирует идеи Мида, который разводил понятия "*жеста*" и "*символа*" очень условно: первый легко может стать вторым. Для Мида характерно более широкое понимание феномена символа, чем оно представлено в символическом интеракционизме. Мид отмечает: "Мы обращаемся к смыслу вещи, когда используем символ. Символы выражают значения тех вещей или объектов, которые имеют значения; они есть части опыта, которые подчеркивают, указывают или представляют другие части опыта, не данные непосредственно в это время и в этой ситуации, которые, благодаря символам, таким образом, представлены и переживаемы... Наборы символов возникают в нашем социальном поведении, в обмене жестами, в контексте языка" [5, р. 122]. Для Мида жест - феномен знаковый; он наделен смыслом, адресован другому, то есть является символом. "Существует язык речи и язык рук, возможен также язык выражений лица, который может быть использован даже для самой сложной беседы. Символ, таким образом, есть универсалия дискурса" [5, р. 147]. Тем самым, "обмен жестами" у Мида вовсе не является "несимволическим" взаимодействием, как это трактует Блумер. Учитывая универсальность феномена символа, мы, очевидно, вообще не сможем обнаружить в реальном мире "несимволическое" взаимодействие. Вне зависимости от того, осознаем мы это или нет, мы ежеминутно используем символы в повседневной социальной практике. Блумер же фактически отказывает символу в такой универсальности. Кроме того, он нигде не дает определения символа, и сложно понять, что он под ним понимает. Посмотрим, что он под ним не понимает. Определяющими факторами символического (взаимо)действия для Блумера не являются: физиологические стимулы, органические побуждения, потребности, чувства, бессознательные мотивы, сознательные мотивы, идеи, воззрения, представления (*аттитюды*), нормы, ценности, ролевые установки, статусные требования, культурные предписания, институциональные и социально-системные требования [6, р. 65]. Для него значение данных факторов несущественно. По его мнению, человек должен рассматриваться как "активный, обладающий собственной значимостью организм, действующий в отношении отмеченных им объектов" [6, р. 65]. Участники взаимодействия выстраивают линии поведения через постоянную интерпретацию текущих линий действия друг друга; факторы же психологического порядка и социальной организации не могут выступать заменителями интерпретативного процесса.

Блумер критикует функционализм Парсонса и другие теории "оппонирующего лагеря" за то, что "их схемы почти всегда конструируют общую модель человеческого взаимодействия или общества, основываясь на отдельном типе человеческих отношений" [6, р. 67]. Однако его собственная модель также страдает абсолютизацией, уже в

¹ В одной из работ Блумер напрямую приписал Миду авторство в выработке понятий "символического и несимволического взаимодействия" [6, р. 65].

отношении интерпретативного процесса. Блумер упускает из виду, что интерпретация всегда основана на предварительном социальном знании. Она обусловлена культурными предписаниями, аттитюдами, ценностями, социальными ролями и пр. Более того, все эти факторы находятся с процессом интерпретации (понимания, истолкования) в отношениях "соревновательной диахронии", при которой первое обуславливает второе, а оно затем обуславливает первое. Иными словами, такие факторы, как знание, восприятие, роль и статус выступают мыслительной матрицей (Шютц) той или иной интерпретации, а последняя, в свою очередь, является матрицей реализации этих факторов. Для Мида аттитюд, ценность и культурное предписание являются символом - емкой и универсальной информационной "субстанцией", ориентированной на трансмиссию знания.

Справедливо утверждая, что "социальное взаимодействие есть взаимодействие между людьми, а не между ролями" [6, р. 75], Блумер отказывается признать, что оно происходит между людьми как *носителями* ролей, имеющими этническую, культурную, религиозную принадлежность, а также социальную идентичность. Он не просто не признает за аттитюдом и пр. их символического характера, но стремится изгнать данные феномены из социальной науки, что проявляется при рассмотрении им ключевого для символического интеракционизма понятия "самости" (*self*). Для Мида обладание самостью означало, что человек является объектом для самого себя; может постигать самого себя, общаться с собой, действовать по отношению к себе. Обращение к себе принимает форму адресованных себе указаний, и реакций на них с помощью дальнейших указаний. Человек определяет для себя желания, цели, окружающие объекты, учитывает присутствие других людей, их действия, как текущие, так и ожидаемые. Через дальнейшее взаимодействие с собой он выносит суждения, анализирует и дает оценку вещам, которые он определил. Именно за счет этого он может планировать и организовывать свои действия на основе того, что он определил и как-то оценил". Обладание самостью дает человеку возможность ориентированного на самого себя действия, с помощью чего он "справляется" с миром, формирует свое поведение. Блумер же говорит о недопустимости «смещения понятий самости и "эго", трактовки самости как какой-то организации потребностей и мотивов, некоего набора аттитюдов, или структуры усвоенных норм и ценностей» [6, р. 62]. Мид вовсе не отрешивается от понятия аттитюда, тогда как Блумер, как самый настоящий бихевиорист и прагматист, утверждает, что "решающее значение имеет не тенденция, не аттитюд, а процесс определения, в ходе которого индивид и формирует собственное действие" [8, р. 97]. У Мида этого нет и в помине. Решающей характеристикой и условием самости для него выступает рефлексия. Процесс развития самости проходит, согласно Миду, две стадии. Вначале "самость индивида конструируется просто через организацию частных представлений (аттитюдов) других индивидов относительно данного индивида и относительно друг друга в специфичном социальном действии, в котором он с ними участвует. На второй стадии развития самость конституируется не только частными аттитюдами, но и через организацию социальных представлений обобщенного другого, или социальной группы - целого, к которому принадлежит данный индивид" [5, р. 158]. Таким образом, самость, согласно Миду, достигает полного развития через организацию индивидуальных представлений других в комплекс социальных, или групповых представлений, превращаясь в индивидуальное отражение общей систематической структуры социального или группового поведения. Такое понимание самости и роли аттитюдов в ее формировании резко контрастирует с трактовкой Блумера.

Блумер подчеркивает, что «позиция символического интеракционизма заключается в том, что "миры", существующие для человеческих существ и их групп, состоят из

- Три элемента: определение предмета, его оценка и готовность к собственным действиям в отношении него (*когнитивный, аффективный и конаттный* компоненты) стали структурной основой категории "аттитюд" в когнитивной психологии.

"объектов", которые являются продуктами символического взаимодействия» [2, р. 10]. Значения объектов для личности возникают с учетом придаваемого им смысла, а также того, как они определяются другими, с которыми данная личность взаимодействует. В процессе "взаимных указаний" возникают "общие объекты", имеющие то же значение для данной группы людей, рассматриваемые ими сходным образом. На основании этих посылок Блумер делает два вывода. 1. С точки зрения людей среда состоит исключительно из объектов, которые данная группа людей опознает и знает. Это мир объектов, с которыми люди имеют дело и в отношении которых выстраивают свои действия. Чтобы понять действия людей, необходимо идентифицировать их мир объектов, причем это должна быть идентификация на основании значений объектов. 2. Объекты, с точки зрения их значений, должны рассматриваться как социальные продукты, формируемые и возникающие в процессе определения и интерпретации, имеющем место во взаимодействии людей. И здесь Блумер коснулся важной проблемы трансформации смысловых комплексов и их социальной значимости; "Жизнь человеческой группы на уровне символического взаимодействия есть широкий процесс, в котором люди формируют, поддерживают и трансформируют объекты своего мира через придание значений этим объектам. Объекты не имеют никакого фиксированного статуса, кроме собственных значений, которые поддерживаются через указания и определения, создаваемые людьми. Нет ничего более очевидного, чем то, что объекты любой категории могут претерпевать изменения в своих значениях. Жизнь и действия людей по необходимости изменяются вслед за изменениями, имеющими место в их мире объектов" [2, р. 12]. Изменение значений обусловлено "двойственным процессом дефиниции и интерпретации", в ходе которого устоявшиеся образцы совместного действия либо поддерживаются, либо трансформируются. Паттерны групповой жизни, отмечает Блумер, сохраняются только через постоянное использование одних и тех же схем интерпретации, которые поддерживаются благодаря постоянному подтверждению через определительные действия других. Установленные образцы жизни группы не являются самовоспроизводящимися; их продолжительность целиком зависит от повторяющегося "утвердительного определения". "Позвольте только интерпретациям, поддерживающим паттерны группы, быть размытыми или подорванными изменившимися определениями со стороны других, и эти паттерны могут рухнуть в мгновение ока" [6, р. 67]. Различные группы создают разные миры, которые изменяются, когда составляющие их объекты меняют свои значения; люди способны контролировать свои действия по отношению к объектам и вырабатывать новые линии поведения. Это условие, делает вывод Блумер, вводит в жизнь человеческой группы внутренний источник трансформации [6, р. 70].

Проблема трансформации значений ставилась многими исследователями, затрагивали ее А. Шютц, П. Бергер с Т. Лукманом, Н. Элиас, А. Сикурел. Однако именно Блумер впервые заговорил о социальных последствиях такой трансформации, о взаимосвязи между изменением значений и изменением характеристик социального целого, то есть поставил вопрос о взаимообусловленности знаковых и социальных трансформаций. Никто из указанных социологов в такую плоскость проблему не переводил, они ограничивались констатацией трансформируемой природы социальных смыслов. Вместе с тем ни Блумер, ни другие исследователи не рассматривают вопрос об источниках и механизмах трансформаций знаковых систем, то есть не пытаются обнаружить императивы возникновения и функционирования социальных значений. Как уже отмечалось, символический интеракционизм рассматривает два источника последних - индивидуального и коллективного плана. Разница между ними заключается, по Блумеру, в том, что коллектив имеет направляющую группу или индивида, облеченных властью оценивать оперативную ситуацию, замечать вещи, с которыми придется иметь дело, и намечать линию действий. "Само-взаимодействие коллектива принимает форму обсуждения, совета и дебатов. Коллектив, таким образом, находится в том же положении, что и индивид, он также должен справляться с ситуациями, должен их интерпретировать и анализировать, должен конструировать линию дейст-

вия" [2, р. 56]. Наряду с этим Блумер обращает внимание на роль в социальных процессах отдельных индивидов, "действующих единиц". "Любая линия социального изменения по необходимости опосредована интерпретацией со стороны части людей, переживающих изменение, проявляющееся в форме новых ситуаций, в которых люди должны конструировать новые формы действия" [7, р. 89]. Имплицитно подразумевается, что социетальные процессы, в данном случае "линии социального изменения", обусловлены линиями интерпретации со стороны "уполномоченных оценивать оперативную ситуацию". То есть собственно индивидам, или "действующим единицам", предлагаются готовые интерпретативные модели, которым необходимо следовать. Такой, в общем-то, логичный и обоснованный подход вполне согласовывается с видением многих близких интеракционизму исследователей. О "социальной предобусловленности знания" писал, например, Н. Элиас [9], об исторической и культурной "заданности" социального мира и стихии языка, в которых обнаруживает себя человек, говорил А. Шютц [10]. Очередной парадокс символического интеракционизма Блумера заключается в том, что такое понимание им природы социальных значений соседствует с его же отрицанием; "...действительная картина заключается в том, что индивид конструирует свои объекты на основе повседневной деятельности" [7, р. 80]. Здесь, опять же, упускается из виду, что повседневная деятельность конструируется на основе значений этих самых объектов - символов вещей, обладающих собственной историей. Анализ социального изменения должен, по необходимости, предшествовать анализу причин трансформации социальных смыслов, что игнорируется в символическом интеракционизме из-за невнимания к собственно социальным смыслам (их природе).

"Совместное действие", в ходе которого поддерживаются или пересоздаются социальные значения, обнаруживается в обществе повсюду, - утверждает Блумер. Семейный ужин, коммерческие сделки, церемония бракосочетания, игра, спор, суд, война - примеры такого действия, которое ранжируется от простого сотрудничества двух людей до сложного комплекса деятельности организаций и институтов. Анализируя совместное действие, Блумер подчеркивает ряд моментов. *Во-первых*, сущность общества заключается в постоянном, текущем процессе действия, а не в некой фиксированной структуре отношений. Вне действия любая структура человеческих отношений бессмысленна, поэтому общество следует постигать с точки зрения составляющих его действий. *Во-вторых*, такое действие, по Блумеру, должно истолковываться не через частные линии активности его участников, будь они отдельные индивиды, коллективы или организации, а с позиций совместного действия, к которому частные линии приспособляются и которым они поглощаются. *В-третьих*, уже потому, что оно возникает в течение времени через взаимное приспособление частных действий, каждое совместное действие должно рассматриваться как имеющее "свою уникальную карьеру, или историю". *В-четвертых*, данная карьера, в целом, упорядочена, фиксирована и повторяема, благодаря общей идентификации или определениям совместного действия, осуществляемого его участниками. Общие определения обеспечивают каждого участника "руководством" по приспособлению его собственных действий к действиям других, обеспечивают стабильность и повторяемость совместного действия в широких областях жизни группы; тем самым, такие определения являются источником установленного и регулируемого социального поведения, то есть культуры. *В-пятых*, карьера совместного действия должна быть рассматриваема как открытая для вероятностей неопределенности.

Первая из этих вероятностей связана с тем, что совместные действия должны быть начаты, но могут не начаться. Согласно *второй*, однажды начавшись, совместное действие может быть прервано, прекращено или трансформировано. *Третья* вероятность - участники могут и не создать общее определение совместного действия, в которое они вовлечены, и, следовательно, основывать свои действия на различных предпосылках. *Четвертая* связана с тем, что общее определение совместного действия может, несмотря ни на что, допускать значительные различия отдельных линий дейст-

вия, а значит, и непредсказуемость общего направления совместного действия. Согласно *пятой*, могут возникать новые ситуации, требующие создания еще не существующих типов совместного действия, что приведет к спутанным исследовательским усилиям по выработке взаимно приспособленных действий. Наконец, *шестая* вероятность заключается в том, что даже в контексте общепределенного совместного действия участники могут интерпретировать и определять линии действия друг друга, основываясь на других, отличных от общего определения, соображениях. Таким образом, подчеркивает Блумер, "неопределенность, случайность и трансформация являются неотъемлемой частью процесса совместного действия. Предположение, что диверсифицированные совместные действия, составляющие человеческое общество, должны непременно соответствовать фиксированным и установленным схемам, является в высшей степени безосновательным допущением" [6, р. 72].

Именно в понятии совместного действия и его анализе заключается главный пафос критики Блумером структурного функционализма. Объяснение социального действия с помощью двух генеральных категорий - конформности (приверженности структуре) и девиации (отторжения от структуры) - представляется Блумеру, по меньшей мере, недостаточно обоснованным. Именно совместные действия и ничто другое создают структуру или организацию, определяют принципы их существования.

Как нам кажется, такой подход Блумера страдает абсолютизацией, на этот раз не интерпретации, а, так сказать, интерпретационного действия. Структуры и организации, действительно, состоят из постоянного совместного действия, "подгоняющего" друг к другу частные активности, однако Блумер настойчиво игнорирует тот факт, что цепь: "взаимодействие-интерпретация - <новое> взаимодействие" не является подвешенной в воздухе идеальной связью. Она определена и всегда обусловлена комплексом когнитивных, психологических и социально-статусных факторов, тех самых аттитудов, культурных норм, ценностей, ролевых предписаний и пр., значение которых Блумер упорно не желает замечать. В случае структуры, или организации, эти факторы представляют собой набор писаных и неписаных установок, требований, представлений, "очевидностей" и правил, обусловленных общей направленностью и содержанием деятельности, короче, являются внутренним символическим уставом данной организации. Члены организации не могут действовать независимо от этого устава, их частные "линии активности" приспособляются не только друг к другу, но и к общему символическому своду, существующему в данной структуре, определяющему их стиль поведения внутри и, часто, вне организации. Переформулировав мидовское понятие "обобщенный другой", можно сказать, что символический устав структуры (организации, группы, сообщества) является "обобщенным своим". Между тем, социальное целое не сводимо к сумме его частей, оно всегда демонстрирует специфические характеристики. Поэтому мы не можем игнорировать степень обусловленности действий и взаимодействий людей конкретными характеристиками конкретной структуры, тем более, если говорим о "символическом" характере этого взаимодействия.

Один из главных парадоксов символического интеракционизма Блумера заключается, на наш взгляд, в том, что в нем есть все, кроме, собственно, символа. Отсутствуют гносеологический и онтологический анализ данного феномена. Отсюда вытекает другой парадокс - одновременно постулируется и нарушается известный "принцип охвата" Блумера, согласно которому только та методология чего-нибудь стоит, которая в состоянии охватить все этапы научного поиска, от теоретических пролегоменов до методических оснований социального исследования, "начальные предпосылки и полный цикл процедурных стадий научного действия" [2, р. 24]. Это тем более странно, что идеи Мида, широко использовавшиеся Блумером, позволяли бы создать более цельную и обоснованную теорию и методологию. На наш взгляд, логичнее было бы охарактеризовать данный подход как "интерпретативный интеракционизм", что, по крайней мере, не вносило бы путаницы и произвольности в его категориальный аппарат. Однако этим не обесцениваются находки символического интеракционизма. Их

значение для становления интерпретативной социологии не подлежит сомнению. Взгляд на общество как на реальность знакового порядка, внимание к социальной повседневности, к человеку и человеческому, задав однажды импульс и определив пути научного поиска качественно новому направлению в социологии, сделали возможным осуществление ряда оригинальных и глубоких социальных исследований.

Приложения и варианты символического интеракционизма

Символический интеракционизм изначально был воспринят как социально-психологический подход. Предполагалось, что работающие в его русле ученые имеют дело преимущественно с взаимоотношениями между обществом и личностью, между группой и индивидом или исследуют взаимодействие внутри малых групп. Как следствие, в научном сообществе его воспринимали преимущественно как направление, изучающее только межличностный уровень человеческого поведения и неспособное исследовать социетальные проблемы и структуры. Не рассматривался он и как обладающий четкой моделью общества и ясным понятием социальной структуры. Между тем очевидно, что интеракционисты исследовали широкий пласт социального и никогда не ограничивали себя рамками "микроуровня". Спектр тем и объектов ученых интеракционистского направления весьма широк. Т. Шибутани исследовал феномен слухов и расовые проблемы [11], Р. Тернер и Л. Киллиан изучали коллективное поведение [12], Курт и Глэдис Лэнг - массовые коммуникации [13], Э. Хагс - труд [14], А. Стросс и М. Долтон анализировали феномен сложных организаций [15], Х. Беккер и Т. Шефф - девиацию [16], О.Е. Клэпп - социальные типы и культы [17]. П. Холл [18], М. Идлмен и Б. Хинкли [19] исследовали с позиций символического интеракционизма политическую сферу, З. Мах, Э. Козн и В. Ованессян - проблемы социального конфликта и идентичности [20]. Список далеко не полный, но вполне репрезентативный для того, чтобы оценить широту интересов и многообразие объектов исследования ученых данного направления. В процессе его развития и институционализации более пристальное внимание привлекла и категория "символ". Так, А. Роуз определяет символ как "стимул, обладающий познанным значением и ценностью для людей; человек реагирует на символ именно на основании его значения и ценности, а не на основании физической стимуляции его органов чувств" [21, р. 5]. Согласно подходу П. Холла, наборы общепонятных символов, которые можно называть культурой, выступают посредниками между физической средой и человеком и обеспечивают его средствами взаимодействия с этой средой. В то время как символическое взаимодействие оберегает, согласно Холлу, общество от индивидуальной противоречивости и непредсказуемости, оно, с его культурой, предшествует любому живущему индивиду. Последовательное познание данной культуры, называемое социализацией, позволяет людям быть понятными друг для друга, иметь поведенческие ожидания, и, соответственно, ориентировать собственное поведение в зависимости от поведения других. "Символы, - пишет Холл, - являются средствами, с помощью которых люди ориентируют себя по отношению к миру, другим людям и к самим себе. Они способствуют процессу социальной интеграции, потому что служат для определения мира, инициирования мыслительных процессов, мотивации действий, оправдания интересов и координирования деятельности" [18, р. 170]. Наряду с этим, отметим, что внимание к символу в "позднем" символическом интеракционизме не имело своим следствием создание развернутых гносеологических и онтологических оснований данного феномена, то есть придание ему статуса действительно научной категории.

Тематическая диверсификация неизбежно порождает диверсификацию взглядов на теоретико-методологические основания интеракционистской парадигмы, что вело к возникновению "конкурентных" подходов, своего рода альтернативных истолкований интеракционизма. Наиболее ярким примером такого рода явилась "айовская школа символического интеракционизма" (в противоположность представленной Блуме-

ром "чикагской школе")³. Ее возникновение связано, прежде всего, с именем Мэнфорда Куна (1911-1963). Последний стремился сформировать интеракционистскую традицию, являющуюся более структуралистской, нежели перспектива, развитая в Чикаго. М. Кун, подражая методам точных наук, ставил целью создание теории самости и взаимодействия, которая была бы количественной по своему характеру, "объективной" (на основании стандартизованных измерительных средств) и приверженной жесткой каузальности в отношении возникновения (самость как зависимая переменная) и направленности (самость как независимая переменная). В попытках операционализировать самость Кун рассматривал последнюю как относительно устойчивый набор определений, отражающий не только социальные статусы людей, но также и то, каким образом другие люди вели себя по отношению к ним в течение их жизни. Этот набор идентичностей, ценностей и определений, который люди применяют к себе, создает, по мнению Куна, организованную структуру "само-определений", которая участвует в регулировании действий человека и его взаимодействий с другими. Кун также доказывал, что самость может быть артикулирована через серию "само-описаний", которые могут быть систематически кодифицированы и трактоваться в качестве переменных в продуцировании поведения. Инструмент, созданный Куном для извлечения и операционализации этих структур самости, получил название "Тест двадцати утверждений" (Twenty Statements Test), или, что более распространено в российской социологической литературе "Тест двадцати Я". "Несмотря на то, что тест оказался сравнительно малопродуктивным предприятием, Кун, его студенты и другие исследователи, желавшие измерить самость, потратили много времени в попытках выведения структур самости из огромного массива этих само-описаний" [22, p. 76].

Обе традиции символического интеракционизма провозглашали Дж. Г. Мида в качестве своего основного теоретического предтечи, главные же различия между ними заключались в видении способов исследования жизни человеческой группы. Г. Блумер, как главный представитель "чикагской школы", настаивал на методологии, отличающейся повышенным вниманием к уникальным характеристикам живого человеческого опыта. М. Кун, напротив, ратовал за методологию, которая была бы сопоставима с общенаучными методами исследования. В соответствии с этим он стремился создать стандартизованные средства измерения человеческого поведения и вывести каузальные формулировки последнего. Конечной его целью являлось "создание возможностей предсказания и контролирования человеческого поведения" [22, p. 77]. В то время как для Блумера приоритетными в исследовании поведения являлись понятия взаимодействия и интерпретации, Кун главное внимание уделял вопросам операционализации и измерения; если Блумер на первое место ставил изучение людей, активно определяющих, оформляющих и интерсубъективно увязывающих свои поведенческие практики в сообществе других, то Кун продвигал детерминистский взгляд, согласно которому человеческое поведение рассматривалось как обусловленное набором усвоенных самопредставлений, с учетом той или иной социальной роли. Наконец, в то время как Блумер подчеркивал необходимость развития процессуального или "эмержентного" подхода к формированию человеческого поведения. Кун доказывал, что это поведение есть продукт самости, структурированной набором аттитюдов, отражающих социальные позиции и роли человека.

Со временем между чикагской и айовской группой возникло острое соперничество. В то время как позитивистски ориентированная "айовская школа" была субъектом большей части общей критики Блумером "основной" социальной науки его времени, сторонники "чикагской школы" крайне редко критиковали айовскую традицию по каким-то конкретным моментам. Тем не менее, Кун и его последователи доказывали, что Блумер искажил труд Мида, более глубокое понимание работ которого доказало бы их большое соответствие и подобие именно айовской традиции [22, p. 77]. Блумер

³ При обзоре "айовской школы" мы опираемся на работу Роберта Пруса [22].

в ответ указывал на неприемлемость позитивистского понимания науки для изучения человеческого поведения и опровергал претензии Айовы на "адекватное" прочтение Мида. Как пишет Прус, "недавнее признание очевидной связи Мида и Дильтея (кто заложил основы герменевтической социальной науки) сделало обвинения Куна и его сторонников особенно обоснованными" [22, р. 77]. Несмотря на то, что сторонники "айовской школы" уделяли значительное внимание человеческому поведению, им так и не удалось создать развитую методологию исследования человеческой деятельности и социальных обменов. С середины 60-х годов в айовской традиции тон задавал Карл Коч (1925-1994), который после многих обескураживающих неудач потерял интерес к "Тесту двадцати утверждений" и другим измерениям самости, переключившись на процессуальный анализ взаимообменов между людьми, используя видеосъемку как основу социальных данных. По словам Пруса, Коч и его коллеги уделяли недостаточное внимания тем способам, с помощью которых изучавшиеся ими люди интерпретировали, придавали смысл тем ситуациям, в которых они себя обнаруживали. Не вдаваясь в детали, отметим, что "айовская школа", стремясь преодолеть недостатки "чикагской школы", в итоге не сильно приумножила общие достоинства. Главное, что должно было, на наш взгляд, быть сделано, но не делалось ни в чикагской, ни в айовской традициях, это утилизация структурной категории интеракционизма - собственно символа. Нельзя операционализировать объектную категорию ("самость", в данном случае) без предварительной операционализации категории структурной, методологической, базовой.

Символический интеракционизм многогранен и неоднозначен. Продолжением его "недостатков" являются очевидные достоинства. Прежде всего, это эвристичность данной теории. Не случайно в ее русле возникли драматургическая социология и "теория ярлыков". Этнометодология, социология знания и когнитивная социология в определенной степени обязаны ей своим оформлением. Находки символического интеракционизма, равно как и его парадоксы, не потеряли значимости, как и обращенный к ученым призыв Блумера: "Уважайте природу эмпирического мира и организуйте свои методологические установки так, чтобы они отражали это уважение" [2, р. 60].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schmidt E.P.* (ed.) *Man and Society*. New York: Prentice-Hall, 1937.
2. *Blumer H.* The Methodological Position of Symbolic Interactionism. In: *Blumer H.* *Symbolic Interactionism. Perspective and Method*. Berkeley: University of California Press, 1969.
3. *Cooley C.H.* *Human Nature and the Social Order*. New York: Free Press, 1956.
4. *Cooky C.M.* *Social Organization: A Study of the Large Mind*. New York: Seribner's, 1909.
5. *Mead G.H.* *Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago: The Universtity of Chicago Press, 1934.
6. *Blumer H.* Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead, in: *Blumer H.* op. cit.
7. *Blumer H.* Society as Symbolic Interaction, in: *Blumer*, op. cit.
8. *Blumer H.* Attitudes and the Social Act, in: *Blumer*, op. cit.
9. *Elias N.* *The Symbol Theory*. London: Sage, 1991.
10. *Schutz A.* *Symbol, Reality and Society. Collected Papers I. The Problem of Social Reality*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1962.
11. *Shibutani T.* *Impovised News*. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1966; *Shibutani T., Kwan K.M.* *Ethnic Stratification*. N.Y.: Macmillan, 1965.
12. *Turner R., Killian L.M.* *Collective Behavior*. Englewood Cliffs. N.Y.: Prentice-Hall, 1958.
13. *Lang K., Lang G.E.* *Politics and Television*. Chicago: Quadrangle, 1968.
14. *Hughes E.* *Men and Their Work*. Glencoe: Free Press. 1958.
15. *Strauss A.* *Psychiatric Ideologies and Institutions*. N.Y.: Free Press, 1964; *Dalton M* *Men Who Manage*. N.Y.: Wiley. 1959.
16. *Becker H.S.* *Outsiders*. Glencoe: Free Press, 1963; *Scheff T.J.* *Being Mentally III*. Chicago: Aldine, 1966.
17. *Klapp O.E.* *Collective Search for Identity*. N.Y.: Holt, Rinchart & Winston, 1969.

18. *Hall P.M.* A symbolic interactionist Analysis of Politics // *Plummer K.* (ed.). Symbolic Interactionism. Vol. II. Contemporary Issues. An Elgar Reference Collection, 1991.
19. *Edelman M.J.* Constructing the Political Spectacle. Chicago; University of Chicago Press, 1988; *Hinckley B.* The symbolic Presidency: How Presidents Portray Themselves. N.Y.: Routledge, 1990.
20. *Mach Z.* Symbols, Conflict and Identity. Essays in Political Anthropology. Albany: State University of New York Press, 1993; *Cohen A.P.* The Symbolic Construction of Community. London and New York: Routledge, 2000; *Ovanessian V.* Symbols and Deception, and the Social Murder of Identity. Glendale CA: Human View Publishing, 1999.
21. *Rose A.* A Systematic Summary of Symbolic Interaction Theory // *Rose A.* (ed.) Human Behavior and Social Processes. Boston: Houghton Mifflin, 1962.
22. *Prus R.* Symbolic Interaction and Ethnographic Research: Intersubjectivity and the Study of Human Lived Experience. State University of New York Press, 1996.